

Цинь Фан два года гнался за Кун Лином, прежде чем смог его догнать. Трудно сказать, то ли Кун Лин был слишком прытким, то ли Цинь Фан не умел правильно преследовать, но часто случалось так: Кун Лин делал шаг, а Цинь Фан тут же бросался в погоню.

Хань Чжу с остервенением скручивал в руках полотенце, стиснув зубы, чтобы сдержать стон негодования.

— Знал бы я, что этот молодой господин Кун такой мастер бегать, попросил бы лекаря приготовить порошок, чтобы посыпать ему одежду! Убежал бы, а запах остался — потом пустил бы собак по следу, и дело с концом!

Услышав это, Тан Цинфэн невольно задумался: неужели в этом мире и правда существуют порошки для слежки, прямо как в романах о мастерах боевых искусств?

Впрочем, слова словами, а Хань Чжу больше всего беспокоился о здоровье своего молодого господина Цинь Фана. Неизвестно, правду ли говорил тот самый Цинь Юньцзы, но в те дни, когда рядом был Кун Лин, Цинь Фан всегда чувствовал себя лучше. Конечно, он не мог, как обычные мальчишки, лазать по деревьям за птичьими яйцами или ловить рыбу в ручье, но справляться с повседневными делами был вполне способен.

За эти два года постоянных разъездов вслед за Кун Лином здоровье Цинь Фана заметно пошатнулось. То ли он не привык к отсутствию домашнего уюта, то ли дело действительно было в Кун Лине, но бесконечные простуды и кашель приводили Хань Чжу в ярость. Перед отъездом госпожа доверила ему заботу о здоровье молодого господина, а теперь, когда тот болел каждые три дня, Хань Чжу просто не знал, как будет отчитываться по возвращении домой.

Тан Цинфэн наблюдал за Хань Чжу, который то замирал, то скрежетал зубами, и находил этого паренька весьма забавным — его лицо выражало целую гамму эмоций. Однако для Цинь Фана и Кун Лина, которые как раз вошли в комнату, эта сцена выглядела совсем иначе: им показалось, что Тан Цинфэн с нежностью и обожанием смотрит на их Хань Чжу.

Несмотря на то, что в обеденный перерыв Кун Лин воссоединился со своим возлюбленным, он не забыл о своих обязанностях. После обеда, отправляясь на урок, он прихватил с собой и Цинь Фана.

Они оба учились у одного наставника: в свое время отец Цинь Фана приглашал частного учителя прямо в поместье. Один учитель и два ученика — по современным меркам это было идеальное индивидуальное обучение. Гуцинь, шахматы, каллиграфия и живопись — для всего были свои преподаватели, но они приходили лишь раз в три дня на полдня, так как основное внимание уделялось подготовке к будущим экзаменам.

Представляя гостя ученикам, Кун Лин рассыпался в похвалах: мол, господин Цинь прибыл издалека из самой столицы, его познания превосходят познания самого Кун Лина, и он любезно согласился рассказать детям о своих странствиях. Говоря прямо, это было злоупотребление служебным положением — Кун Лин воспользовался уроком, чтобы разузнать,

как его возлюбленный жил эти два года.

Цинь Фан, не стесняясь, сел и начал рассказывать о пейзажах, географии и обычаях тех мест, где ему довелось побывать. Дети слушали, затаив дыхание, с таким восторгом, что казались готовыми прямо сейчас отправиться в путь вместе с ним.

Урок должен был давно закончиться, но ученики были так увлечены, что упрашивали господина Циня продолжать. Так за разговорами время пролетело до самых сумерек. Оставалось лишь надеяться, что родители детей не будут в обиде.

Тан Цинфэн собирался на ночь вернуться в дом семьи Чжэн, но история Цинь Фана так его захватила, что он попросил одного из детей, жившего по соседству, передать супругам Чжэн, что останется ночевать в школе, а завтра с утра вернется.

Однако он не учел одного: в тот вечер у него не было шанса послушать продолжение истории. Кун Лин, как законный возлюбленный, привязал Цинь Фана к себе и не отпускал ни на шаг, отправляя Хань Чжу выполнять все свои поручения.

Ничего не поделаешь — простуда Цинь Фана еще не прошла, и сегодня, выходя из повозки, он все еще кашлял. Кун Лин, конечно, не хотел его утомлять: едва поужинав и совершив вечерний туалет, он уложил Цинь Фана в постель, а Хань Чжу и Тан Цинфэна выставил вон. К счастью, напоследок он бросил: В западной пристройке есть кровать, там и спите. Иначе им пришлось бы гадать, где провести ночь.

Они отправились в западную пристройку и действительно обнаружили там кровать. Только кровать — и больше ничего! Хань Чжу и Тан Цинфэн переглянулись с кривыми усмешками и решили вернуться к Кун Лину, чтобы попросить хоть что-нибудь еще, но едва подошли к дверям, как остановились.

Все знают поговорку о том, что разлука лишь разжигает чувства, а один день без любимого тянется как три осени. Эти двое не виделись два года, так что нетрудно догадаться, что происходило в комнате. К тому же звукоизоляция в те времена была не лучшей, поэтому, услышав доносившиеся изнутри звуки, Хань Чжу и Тан Цинфэн, красные как яблоки, поспешно ретировались.

Погода стояла не то чтобы холодная, но спать без подстилки и одеяла было бы мучением. К Кун Лину идти было нельзя, но Хань Чжу проявил смекалку и принес постельные принадлежности из повозки — те самые, что служили Цинь Фану подушками. В итоге они достались им двоим.

Умывшись, они легли спать. Утро наступило быстро. Тан Цинфэн выспался, встал с кровати и с наслаждением потянулся, чувствуя себя превосходно. Однако он вдруг поймал на себе полный обиды взгляд: Хань Чжу смотрел на него покрасневшими, как у кролика, глазами.

Тан Цинфэн осмотрел себя с головы до ног: одежда в порядке, обувь на месте, вроде бы ничего необычного.

— Хань Чжу, что случилось? Почему ты с самого утра так смотришь? Мне даже не по себе.

— Цинфэн, я больше никогда не лягу с тобой рядом! — голос Хань Чжу дрожал от негодования.

— Что случилось? Я что-то сделал ночью?

— Ты еще спрашиваешь! Сначала ты обнимал меня во сне, а потом взял и сбросил с кровати пинком! — Хань Чжу был в ярости: с самого детства никто так с ним не обращался.

Тан Цинфэн застыл с открытым ртом. Он принялся чесать затылок, пытаясь вспомнить прошедшую ночь. Ему приснился кошмар, будто он дерется, его окружают враги, и в конце он отшвыривает последнего из них ногой... Неужели Хань Чжу пострадал именно в этот момент?

— Ха-ха-ха... — Тан Цинфэн мог лишь глупо улыбаться. Бедный Хань Чжу! В ответ на такую реакцию Хань Чжу лишь закатил глаза и про себя поклялся, что впредь лучше будет спать на полу, чем делить постель с этим человеком.

Хань Чжу отправился прислуживать молодым господам, а Тан Цинфэн принялся за завтрак.

Ученики сегодня пришли очень рано. Многие принесли свежую рыбу и овощи: в деревенской реке начался сезон лова, и каждой семье досталось понемногу. Узнав, что вчера их дети вернулись поздно, потому что слушали рассказы друга учителя, простые деревенские жители решили угостить Цинь Фана лучшими дарами своих хозяйств.

<http://bllate.org/book/21782/2252367>